

гии, текстологии, фонологии и этимологии (об этой специфике работы над полабским этимологическим словарем мы уже писали в своей рецензии на выпуск 1-й ныне рецензируемого словаря в томе «Этимология. 1964» (М., 1965, стр. 352).

Читая новый выпуск, мы находим здесь те же принципы, которые были отмечены в свое время для предыдущего выпуска, что освобождает нас здесь от необходимости давать общую характеристику новой части труда. Словарь дает нам хорошее критическое представление о составе и генезисе полабской лексики во всей ее сложности. Всюду, где это требуется, привлечены прочие славянские параллели, указаны многочисленные неясные моменты, немецкие элементы и исконные образования.

Как всегда, при чтении работ по этимологии и реконструкции отдельные случаи авторской трактовки вызывают возражения. Например, нам кажется избыточной реконструкция праславянской местоименной формы *gōsъjaja, *gōsъjeje для притяжательного прилагательного полаб. *gōsə* 'гусиная', польск. *gęsia* и т. д. (стр. 176). Здесь должно быть *gōsъja. Сомнительна реконструкция *grušu на стр. 180; следовало дать *gruši, даже если иметь в виду предположения об отражении тут старой основы на *-ū-* женского рода (ср. форму *grušъvy, рядом), поскольку после мягкого *š ū > y > i* в праславянском.

Серьезных этимологических расхождений у нас с автором как будто не обнаруживается, если не считать, пожалуй, одного места (стр. 320), где Полянский признает этимологически неясным полабское слово *lekənaičə* ж.р. 'ястреб, коршун'. Наше этимологическое толкование этого слова вышло в свет практически одновременно со словарем (см. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 61), и Полянский, естественно, не мог его использовать, удовольствовавшись явно неудовлетворительным сближением с незасвидетельствованным глаголом *lekət. Пользуемся случаем, чтобы сказать, что нам по-прежнему кажется более убедительным видеть в *lekənaičə/lekənaičə* разрушенное сложение полаб. *paile-kānaičə < *pile-kanica, собственно — 'коршун-цыплятник', ср. и немецкие его эквиваленты *Kücken Weihe*, *Hüner-Geyer* и т. п. Здесь, наверное, представлена, как и во многих других полабских образованиях, семантическая калька с немецкого слова, возникшая только в этом славянском языке.

О. Н. Трубацев

Български етимологичен речник.

Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев.
Свезка VIII: *журжукалец — зярвам*. София, 1971.

Значительная часть рецензируемого выпуска содержит слова на букву З—до конца (стр. 561—672), одновременно являясь окончанием I-го тома нового «Болгарского этимологического словаря» (А—З), выходящего под редакцией В. Георгиева. Далее здесь опубликован список исправлений и дополнений (стр. 673—679), учитывающий также в ряде случаев замечания рецензентов по предыдущим выпускам. Существенно отметить, наконец, публикацию в настоящем выпуске обновленных вступительных разделов ко всему тому I-му — предисловия и особенно внушительной библиографии (стр. XII—XCV).

Достоинства этого словаря характеризовались нами в рецензиях на выпуски I—VII. Выпуск VIII также заключает в себе немало свежего лексического материала из болгарских народных диалектов. Приведем такой красноречивый пример, как болг. диал. *замет* 'ум' < *за-мать, ср. ст.-слав. *па-мать*, болг. *па-мет* 'память', чеш. *zaminiti si* 'подумать, задуматься' (стр. 598). Ограниченное территориально по сравнению с общеславянским *raměť, болгарское слово *замет* тем не менее представляет собой заметный архаизм

славянского словаря. Положительной стороной нового выпуска представляется обстоятельная, раздельная трактовка в виде самостоятельных статей многочисленных болгарских слов с приставкой *за-*. Ценность этих материалов бесспорна, многое слабо известно в науке или публикуется впервые. Интересны отдельные примеры учета параллелей из других славянских языков, ср. болг. диал. *завод* 'обычай' и родственные на стр. 576 (вслед за Р. Бернармом). Но ясно также и то, что это только начало большой нужной работы в данном направлении.

Как и в предшествующих выпусках, по-прежнему неоспоримы заслуги этого словаря в деле выявления утраченной и утрачиваемой болгарской лексики, обычно с помощью ономастики, см. статьи *злев, *Злбогиш* (стр. 646).

Вместе с тем полнота инославянских параллелей и их точность подчас бывают недостаточны. Так, в статье о диалектном слове *завогям* 'терять голос от плача, терять сознание' (стр. 576) недостаточно объяснения из *за-годям* на болгарской почве. Настоящая древность упомянутого *завогям*, а также диал. *забѣдям се*, *забѣдя се* 'падать в обморок' и их значений становится для нас очевидной только после того, как мы сравним их с русск. просторечн. *заходиться* (от плача), которое ближе, чем русск. *сойти с ума*, привлекаемое для сравнения с *заходям* (стр. 617). Точно так же составители словаря, ограничившись указанием на то, что болг. диал. *закипѣтя се* 'стараться силиться' произведено от *кипѣ* 'кипеть' (стр. 590), прошли мимо того небезыңтересного факта, что перед нами производное от старой причастной основы **курѣт-*, сопоставимое в первую очередь с русским *кипятить*, *закипятить*.

К сожалению, этимологизация в рассматриваемом новом выпуске словаря далеко не всегда удовлетворительна, о чем свидетельствуют приводимые ниже критические замечания. Основные наши возражения вызывает (помимо уже упомянутой неполноты инославянских соответствий), недостаточная или неверная семантическая мотивация этимологии, спорность реконструируемых праформ. Так, трудно поверить в предлагаемое на стр. 571 сближение болг. диал. *забрѣндям се* 'краснеть (от усталости, от стыда)', *забрѣндѣвам се* 'хорошеть, делаться красивее, полнеть' и сербохорв. *брѣнда* 'бронза'. Диалектное слово *заглобска* 'деревянный клин, гвоздь' объясняется из *заглобка (стр. 582; при этом остается неясным *-с-*, как признают авторы), тогда как здесь кажется более вероятным происхождение из *загвоздка. На той же странице, далее, диал. (Прилеп) *загблнувам*, *заголнам* (обычно в выражении *да заголнам душа* 'заморить червячка') почему-то толкуется в связи с *гол* 'голый', хотя здесь можно видеть только первоначальное **заголтн-* из *загълт-н-* 'заглотить, проглотить', 'начать глотать', ср. фонетику и словообразование макед. *заголта* 'начать глотать', наряду с макед. *загольне* в обороте *загольне душа* с тем же значением 'заморить червячка'. Болг. диал. *запѣтвам*, *запѣтя* 'заводить, разводить (животных)' с неоправданной, на наш взгляд, уверенностью производится от *пѣте* 'утенок' (стр. 601), что, конечно, неверно; объясняя этот глагол, необходимо в первую очередь вспомнить о другом болгарском (и южнославянском) глаголе *пѣтя* 'терпеть, переносить' и о классическом родстве значений 'мучение, труд' ~ 'нажива, приобретение'. Что побудило авторов этимологизировать диал. *зѣслен* 'железная тренога — подпорка для поленьев в очаге' как *за-съл-ен от *сълати* 'слать'? Ведь кроме возможных старых инославянских данных вроде русск. *заслон*, *заслонка* из области терминологии печи, очага, о единственной правдоподобной реконструкции **за-слон:* *za-sloniti свидетельствует помещенное на той же стр. 610 болг. диал. *зѣслон* в значении 'раскаленные камни, которые кладут перед печью для поддержания тепла, пока печется хлеб'. Болг. диал. *зѣбниница* 'лесная земляника', *зѣбница* 'земляника' объясняется в словаре от *звона, *звонница якобы в связи с колоколообразной формой самой ягоды (стр. 653; но же самое см. на стр. 658 о слове *зѣна* 'земляника'), что опять-таки ошибочно, а единственно правильная этимология будет ясна каждому, кто вспомнит о продолжениях праславянского *sq-nica/*sq-nika 'низкорослая ягода, земляника' в русск. диал. *сунница*, *суника*, укр. *сунница*, блр. *сунца*,

ст.-польск. *sunica*, полаб. *saunēitsa* 'земляника' и т. д., в том числе — в болг. *сунѣца*, наряду с диал. *зѣница* в том же значении. Необычное начало слова *з-есть*, видимо, болгарское диалектное явление, стоящее в одном ряду со случаями вроде *зѣна се : сѣна се, зурѣнав : сурен, свирен*.

О. Н. Трубачев

Е. В. Опельбаум.

Восточнославянские лексические элементы
в немецком языке. Киев, 1971.

Книга Е. В. Опельбаума «Восточнославянские лексические элементы в немецком языке» посвящена теме, до сих пор не получившей должного освещения в литературе: вопросу о лексическом воздействии восточнославянских языков на немецкий язык в письменной период его развития. Опираясь на исторический факт длительных и многообразных контактов русского и немецкого языков, автор не ограничивается материалами словарей, а проводит самостоятельную эксцерпцию материала из исторических памятников: ганзейских документов XIII—XVII вв., путешествий, описаний XIV—XVII вв. и т. д. Извлечения носят исчерпывающий характер, всего автором рассматривается 364 лексемы (подробно описаны 277). Причем, исследуются слова, вошедшие не только в немецкий литературный язык, но и в территориальные диалекты, профессиональные и социальные жаргоны.

Основная часть книги представляет собою словарь, где лексический материал расположен в алфавитном порядке. В словарной статье приводится слово с указанием вариантов, толкование на немецком языке, историческая документация и историко-этимологическая справка. В заключительной части книги автор распределяет материал по хронологическим пластам, тематическим группам и по сферам его бытования в немецком языке. Приятно, что выводы автора отличаются осторожностью и объективностью.

Для читателя-слависта особый интерес представляет уточнение датировки целого ряда заимствований. Так, например, слово *безмен* зафиксировано в немецких документах 1203—1209 гг., в то время как в словарях оно датируется 1396 годом. Не меньший интерес представляет сохранение в немецких документах старых древнерусских терминов. Ср. новгородский термин *шевница* 'мех, шпиль из отдельных беличьих шкур' (ганзейские документы XIII—XV вв.).

Толчком для дальнейших этимологических исследований, несомненно, послужат статьи автора, посвященные словам *соболь* и *стерлядь*. Опираясь на лингвистические и исторические данные, автор отрицает возможность заимствования слова *стерлядь* из нововерхненемецкого, а настаивает на австрийском первоисточнике или же на контаминации. В статье о слове *соболь* автор утверждает, что слово происходит из восточных языков. Любопытно, что слово *Steppe* 'степь', отмеченное в немецких документах с 1660 года, встречается уже у Шекспира (см. дополнения О. Н. Трубачева к русскому переводу «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, т. III, стр. 756).

В. А. Меркулова.